

Юрий ДРЮКОВ,
Санкт-Петербург

КРАХ ИМПЕРИИ В «ВОСПОМИНАНИЯХ» ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА МИХАЙЛОВИЧА (САНДРО)

*(тексты Александра Михайловича,
дополненные только иллюстрациями)*

Его Императорское Высочество Великий князь Александр Михайлович

Ф. М. Достоевский, на произведение которого теперь можно смотреть, как на удивительные пророчества грядущего большевизма. В январе 1881 г. Достоевский в разговоре с издателем «Нового Времени» А. С. Сувориным заметил с необычайной искренностью:

— Вам кажется, что в моем последнем романе «Братья Карамазовы» было много пророческого? Но подождите продолжения. В нем Алёша уйдёт из монастыря и сделается анархистом. И мой чистый Алёша — убьёт Царя...

Идиллическая Россия с царём-батюшкой и его верноподданным народом пере-

стала существовать 1 марта 1881 г. Будущее не только Российской Империи, но и всего мира, зависело теперь от исхода неминуемой борьбы между новым русским Царём и стихиями отрицания и разрушения.

К счастью для России, Император Александр III обладал всеми качествами крупного администратора. Убеждённый сторонник здоровой национальной политики, поклонник дисциплины, настроенный к тому же весьма скептически, Государь вступал на престол предков, готовый к борьбе. Он слишком хорошо знал придворную жизнь, чтобы не испытывать презрения к бывшим сотрудникам своего отца, а основательное

— **Е**ё Императорское Высочество великая княгиня Ольга Фёдоровна благополучно разрешилась от бремени младенцем мужского пола, — объявил 1 апреля 1866 года адъютант великого князя Михаила Николаевича, тогдашнего наместника на Кавказе, вбегая в помещение коменданта Тифлисской крепости. — Прошу произвести пушечный салют в 101 выстрел!

Новорождённый великий князь — внук Николая I и двоюродный брат будущего царя Александра III — будет наречён при крещении Александром в честь его царственного дяди — императора Александра II...

До пятнадцатилетнего возраста моё воспитание было подобно прохождению строевой службы в полку. Мои братья Николай, Михаил, Сергей и Георгий и я жили как в казармах. Мы спали на узких железных кроватях с тончайшими матрацами, положенными на деревянные доски.

Весной 1875 г. мы покинули Тифлис, чтобы провести шесть недель в крымском имении нашего дяди. На пристани в Ялте нас встретил сам Государь Император.

Длинная лестница вела от Ливадийского дворца прямо к Чёрному морю. В день нашего приезда, прыгая по мраморным ступенькам, я налетел на улыбавшегося мальчишка моего возраста, который гулял с няней, державшей ребёнка на руках. Мальчик протянул мне руку и сказал:

— Ты, должно быть, мой кузен Сандро? Я твой кузен Ники, а это моя маленькая сестра Ксения.

Девятнадцать лет спустя, в 1894 году, я женюсь на Ксении, а Ники взойдёт на престол и будет последним представителем династии Романовых...

Зимой 1880 года сильный взрыв потряс здание Зимнего дворца. Было повреждено помещение, которое занимал караул л.-гв. Финляндского полка; было убито и ранено 40 офицеров и солдат.

Писатели, студенты, доктора, адвокаты, банкиры, купцы и даже крупные государственные деятели играли в либерализм и мечтали об установлении республиканского строя в России, стране, в которой только девятнадцать лет перед тем было уничтожено крепостное право.

Идея цареубийства носилась в воздухе. Никто не чувствовал её острее, чем

знакомство с правителями современной Европы внушило ему вполне обоснованное недоверие к их намерениям. Император Александр III считал, что большинство русских бедствий происходило от неуместного либе-

рализма нашего чиновничества и от исключительного свойства русской дипломатии поддаваться всяким иностранным влияниям.

Он жаждал мира, сто лет нерушимого мира. Только открытое нападение на Россию

вознасило бы Александра III участвовать в войнах. Горький опыт XIX века научил Царя, что каждый раз, когда Россия принимала участие в борьбе каких-либо европейских коалиций, ей приходилось впоследствии лишь горько об этом сожалеть...

Выбор моей карьеры был весьма ограничен: он лежал между кавалерией, которой командовал мой дядя, великий князь Николай Николаевич-старший, артиллерией, которая была в ведении моего отца, и военным флотом, во главе которого стоял мой другой дядя — великий князь Константин Николаевич.

Мысль о поступлении во флот пришла мне в голову в 1878 году, когда в число наставников попал весёлый и покладистый лейтенант — Николай Александрович Зеленый.

По рассказам Зеленого о привольной жизни, которую ввели моряки русского военного флота, создавалось впечатление, что флот Его Императорского Величества переходил от одного блестящего приключения к другому и жизнь, полная неожиданностей, выпадала на долю каждого, кто был на борту русского военного корабля.

Я окончательно решил сделаться моряком и до сих пор содрогаюсь при мысли, что мог сделаться одним из тех самовлюблённых гвардейских офицеров, которые взирали на мир через стекла бинокля, навешенного на прелести балерин.

В сентябре 1885 г. в газетах было объявлено о моём производстве в чин мичмана флота.

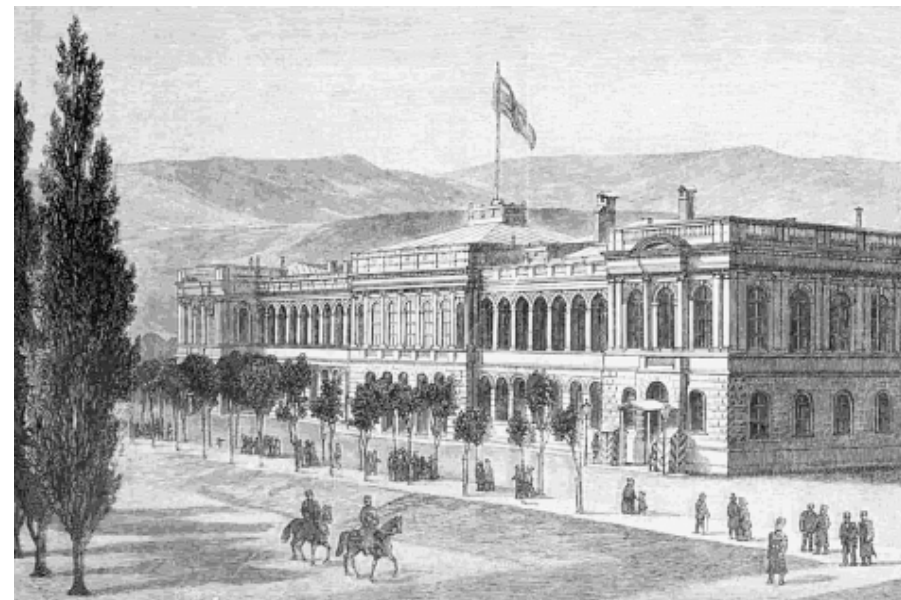
1 апреля 1886 года я стал совершеннолетним. В Петергофском дворце состоялся приём, на котором присутствовали их величества, члены императорской фамилии, министры, депутации от гвардейских полков, придворные чины и духовенство. После молебствия на середине церкви вынесли флаг Гвардейского экипажа. Я приблизился к флагу, сопровождаемый священником, который вручил мне два текста присяги: первой присяги для великого князя, в которой я клялся в верности основным законам империи о престолонаследии и об учреждении императорской фамилии, и второй — присяги верноподданного...

Кругосветное плавание на корвете «Рында» будет длиться три года, после чего я должен получить следующий чин. Пока же я всего только мичман.

Канун Рождества 1886 года. «Рында» полным ходом входит в территориальные воды Бразилии. Я стою на носу, среди молочных облаков блестит созвездие Южного Креста, и я глубоко вдыхаю аромат тропических лесов.

А вот раннее утро в джунглях Цейлона... Мы медленно и осторожно продвигаемся вперёд верхом. «Осторожно! Осторожно! Они готовятся к нападению», — говорит нам английский эскорт. Я переживаю в первый раз горделивое удовлетворение, принимая участие в охоте на слона...

После возвращения я бываю у Ники в лагерях, в селе Капорском, где он изучает кавалерийское дело в рядах лейб-гусарского полка. Мы с ним охотно обмениваемся впечатлениями: я — об охоте в Индии на слонов, он — о полковой жизни.

Дворец наместника Кавказа Е.И.В. Великого князя Михаила Николаевича в Тифлисе

Цесаревич Николай Александрович, Великая княгиня Ксения Александровна, Великий князь Георгий Александрович. 1877

И.Н. Крамской. Коронавание Государя Императора Александра III

Взрыв в Зимнем дворце. 5 февраля 1880 года

Я встречаюсь с Ксенией. Ей уже исполнилось 14 лет, и мы очень дружны...

Я выпросил у Государя должность в Черноморском флоте и был назначен вахтенным начальником на броненосец «Синоп».

Весной 1892 года меня перевели на Балтийский флот. После двухмесячного командования миноноской «Ревель» в сто тонн, я был назначен командиром минного отряда в двенадцать миноносцев.

В январе 1893 г. один из наиболее новых русских крейсеров «Дмитрий Донской» должен был отправиться в Соединённые Штаты, чтобы поблагодарить американцев за оказанную ими минувшем летом во время недорода на юго-востоке России продовольственную помощь. Для меня представился единственный случай посетить страну моих юношеских мечтаний. Я решил просить об откомандировании меня на «Дмитрий Донской», но, так как я должен был ходатайствовать об этой милости лично у Государя, то я полагал, что могу просить его ещё кое о чем. Это «кое-что» было рукою его дочери великой княжны Ксении.

— Дело относительно перевода на крейсер обстоит весьма просто. Мне кажется, что это будет очень хорошо, если представитель нашей семьи передаст мою личную благодарность президенту Соединённых Штатов. Что же касается твоей просьбы руки Ксении, то придётся немного подождать, императрица не хочет, чтобы Ксения выходила слишком рано замуж. Мы окончим этот разговор не ранее, чем через год...

Мне исполнилось ровно 27 лет в тот туманный весенний день, когда крейсер «Дмитрий Донской» бросил якорь в Гудзоновом заливе.

Я думал о моем деде, дяде и двоюродном брате. Они управляли государством, которое было больше и богаче этой новой страны, наталкиваясь на те же самые проблемы: громадное население, включающее в себя несколько десятков национальностей и вероисповеданий, колоссальные расстояния между промышленными центрами и районами земледелия, которые тре-

1 марта 1881 года. Покушение на жизнь Александра II

бовали железнодорожных линий большого протяжения, и так далее. Чего же не хватало России? Почему мы не могли следовать американскому примеру?

Европа! Европа! Это вечное стремление идти в ногу с Европой задерживало наше национальное развитие Бог знает на сколько лет.

И тут же в голове моей созрел широчайший план американизации России...

День нашей свадьбы был назначен на конец июля 1894 года. Я попробовал протестовать против этой отсрочки почти что в шесть месяцев, но меня попросили помолчать и лишь молить Провидение, чтобы портнихи успели к тому времени сшить приданое Ксении. Мы должны были провести наш медовый месяц в моем любимом Ай-Тодоре, который матушка оставила мне по духовному завещанию.

Наша свадьба состоялась в церкви Петергофского Большого Дворца, в которой я присягал в день моего совершеннолетия.

Кто мог думать, что только три месяца отделяют нас от самой страшной катаст-

рофы в истории Российской Империи. Кто мог предвидеть, что Александр III умрёт в возрасте 49 лет от роду, оставив незавершённым свой монарший труд и вручив судьбу шестой части мира в дрожащие руки растерявшегося юноши.

Преждевременная кончина Александра III приблизила вспышку революции по крайней мере на четверть века...

Накануне окончания образования, перед выходом в лейб-гусарский полк, будущий император Николай II мог ввести в заблуждение любого оксфордского профессора, который принял бы его, по знанию английского языка, за настоящего англичанина. Точно так же знал Николай Александрович французский и немецкий языки. Остальные его познания сводились к разрозненным сведениям по разным отраслям, но без всякой возможности их применить в практической жизни. Воспитатель-генерал внушил, что чудодейственная сила таинства миропомазания во время Св. коронавания способна даровать будущему российскому самодержцу все необходимые познания...

Последняя семейная фотография. Слева направо: Цесаревич Николай, Великий князь Георгий, Императрица Мария Фёдоровна, Великая княжна Ольга, Великая княжна Ксения, Император Александр III и Великий князь Михаил. Ливадия, Крым. Май 1893 г.

Цесаревич
Николай Александрович. 1889

Смерть Александра III окончательно решила судьбу России. Каждый в толпе присутствовавших при его кончине сознавал, что страна потеряла в лице государя ту опору, которая не давала России свалиться в пропасть. Никто не понимал этого лучше самого Ники. Он взял меня под руку и повёл вниз в свою комнату. Мы обнялись и плакали вместе. Он не мог собраться с мыслями. Он сознавал, что стал императором, и это страшное бремя власти давило его.

— Сандро, что я буду делать! — патетически воскликнул он. — Что будет теперь с Россией? Я ещё не готов быть царём! Я не могу управлять империей. Я даже не знаю, как разговаривать с министрами. Помоги мне, Сандро!

Помочь ему? Мне, который в вопросах государственного управления знал ещё меньше, чем он! Я мог дать ему совет в области дел военного флота, но в остальном...

В церкви Ливадийского дворца по православному обряду состоялось крещение невесты нового императора, принцессы Алисы Гессен-Дармштадтской.

Бракосочетание молодого царя состоялось менее чем через неделю после похорон Александра III. Их медовый месяц протекал в атмосфере паники и траурных визитов. Самая нарочитая драматизация не могла бы произвести более подходящего пролога для исторической трагедии последнего русского царя.

Наступил день, когда все мы поехали в Москву на коронацию

Приближался день катастрофы на Ходынском поле.

Пять тысяч человек было убито, ещё больше ранено и искалечено. В три часа дня мы поехали на Ходынку. По дороге нас встречали возы, нагруженные трупами. Трусливый градоначальник старался отвлечь внимание царя приветствиями толпы. Но каждое «ура» звучало для меня, как оскорбление. Мои братья не могли сдержать своего негодования, и все мы единодушно требовали немедленной отставки великого князя Сергея Александровича и прекращения коронационных

Ники, Сандро и Ксения. 1894

торжеств. Произошла тяжёлая сцена. Старшее поколение великих князей всецело поддерживало Московского генерал-губернатора.

Мой брат, великий князь Николай Михайлович, объяснил весь ужас создавшегося положения. Он вызвал образы французских королей, которые танцевали в Версальском парке, не обращая внимания на приближающуюся бурю. Он звал к доброму сердцу молодого Императора.

— Помни, Ники, — закончил он, глядя Николаю II прямо в глаза, — кровь этих пяти тысяч мужчин, женщин и детей останется неизгладимым пятном на твоём царствовании. Ты не в состоянии воскресить мёртвых, но ты можешь проявить заботу об их семьях... Не давай повода твоим врагам говорить, что молодой Царь пляшет, когда его погибших верноподданных везут в мертвецкую.

Вечером Николай II присутствовал на большом балу, данном французским посланником. Сияющая улыбка на лице великого князя Сергея заставляла иностранцев высказывать предположения, что Романовы лишились рассудка. Мы, четверо, покинули бальную залу в тот момент, когда начались танцы, и этим грубо нарушили правила придворного этикета...

Первые десять лет царствования Николай II провёл, сидя за громадным письменным столом в своём кабинете и слушая с чувством, скорее всего приближающимся к ужасу, советы и указания своих дядей. Он боялся оставить наедине с ними. В присутствии посторонних его мнения принимались дядями за приказания, но стоило племяннику и дядям остаться с глазу на глаз, их старшинство давало себя чувствовать.

Они всегда чего-то требовали. Николай Николаевич воображал себя великим поводомцем. Алексей Александрович повелевал морями. Сергей Александрович хотел превратить Московское генерал-губернаторство в собственную вотчину. Владимир Александрович стоял на страже искусств. Все они имели, каждый, своих любимцев среди генералов и адмиралов, которых надо было производить и повышать вне очереди, своих балерин, которые желали устроить «русский сезон» в Париже, своих удивительных миссионеров, жаждущих спасти душу Императора, своих чудодейственных медиков, просящих аудиенции, своих ясно-видящих старцев, посланных свыше... и т. д.

К шести часам вечера молодой Император был без сил, подавленный и оглушённый. Он с тоскою смотрел на портрет своего отца, жалея, что не умел говорить языком этого грозного первого хозяина России, которого все боялись, как огня.

«Перестань разыгрывать Царя», — телеграфировал Александр III тому же самому Сергею Александровичу в Москву.

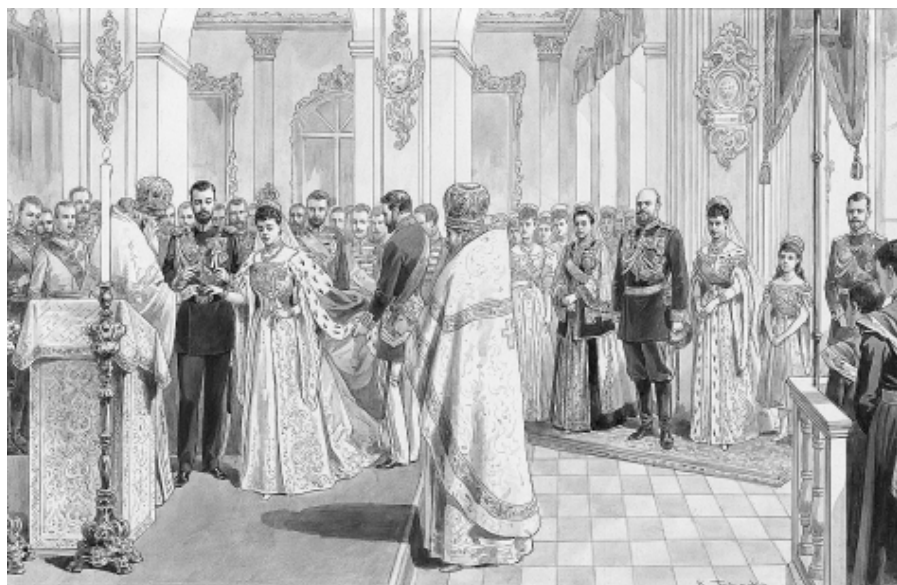
«Выкинуть эту свинью», — написал царь на всеподданнейшем докладе, в котором описывались скандальные действия одного занимавшего ответственный пост сановника, который ухаживал за чужой женой.

«Когда Русский царь удит рыбу, Европа может подождать», — ответил он другому министру, который настаивал в Гатчине, чтобы Александр III принял немедленно посла какой-то великой державы.

В.И. Навозов.

Похоронная процессия Императора Александра III на улицах Петербурга. 1894

Свадьба Александра Михайловича и Ксении Александровны. 1894

Однажды какой-то чрезмерно честолюбивый министр угрожал отставкой самодержцу. В ответ на эти угрозы царь взял его за шиворот и, трясая, как щенка, прорычал: «Молчать! Когда я захочу вас выбросить, вы об этом незамедлительно узнаете».

Когда Вильгельм II предложил Александру III «поделить мир между Россией и Германией», царь ответил: «Не веди себя, Вилли, как танцующий дервиш. Полюбуйся на себя в зеркало».

Часть этих изречений доподлинно исторична, другая придумана и разукрашена людской молвой.

Я старался всегда обратить внимание Николая II на навязчивость наших родных. Как часто, когда я спорил о полной реорганизации флота, которым дядя Алексей управлял согласно традициям XVIII века, я видел, как государь в отчаянии пожимал плечами и говорил монотонно:

— Как я могу уволить дядю Алексея? Любимого брата моего отца! Знаешь, что, Сандро, я думаю, что мои дяди правы: за время пребывания в Америке ты там стал большим социалистом...

22 января 1903 г. «весь Петербург» танцевал в Зимнем Дворце. Я точно помню эту дату, так как это был последний большой придворный бал в истории империи.

Все гости должны были быть в русских костюмах XVII века. Хоть на одну ночь Ники хотел вернуться к славному прошлому своего рода.

Ксения была в наряде боярыни. Я был одет в платье сокольничьего.

Государь и государыня вышли в нарядах московских царя и царицы времён Алексея Михайловича.

Это замечательное воспроизведение картины XVII века, вероятно, произвело странное впечатление на иностранных дипломатов. Пока мы танцевали, в Петербурге шли забастовки рабочих и тучи все более и более сгустились на Дальнем Востоке...

Я прочёл в газете громадный заголовок: «Японские миноносцы произвели внезапную атаку на русскую эскадру, стоящую на внешнем рейде Порт-Артура».

Верные своим восточным обычаям, они сперва нанесли удар, а потом объявили нам войну.

Бесцельно пересказывать вновь эпопею русско-японской войны. В течение восемнадцати месяцев мы шли от одного поражения к другому. Когда она окончилась и Витте удалось заставить японцев принять довольно сносные условия мира, наши генералы заявили, что, если бы у них было больше времени, они могли бы выиграть войну. Я же полагал, что им нужно было дать двадцать лет для того, чтобы они могли поразмыслить над своей преступной небрежностью. Ни один народ не выигрывал и не мог выиграть войны, борясь с неприятелем, находившимся на расстоянии семи тысяч вёрст в то время, как внутри страны революция вонзала нож в спину армии.

Вся Россия была в огне. В течение всего лета громадные тучи дыма стояли над страной, как бы давая знать о том, что тёмный гений разрушения всецело овладел умами крестьянства и они решили стереть всех помещиков с лица земли. Рабочие бастовали. В Черноморском флоте произошёл мятеж. Революционеры убивали высших должностных лиц. Было убито так много губернаторов, что назначение на этот пост было равносильно смертному приговору...

Война была окончена, но необходимо было немедленно приступить к постройке эскадры минных крейсеров за счёт сумм, полученных по всенародной подписке, и эту новую задачу Ники возложил на меня.

8 июля 1906 г. председателем Совета Министров был назначен П.А. Столыпин, замечательный человек, в котором трезвый реализм сочетался с высокой одарённостью. Он понимал, что методы управления современной Россией должны быть уже не те, чем в эпоху, когда революционное движение проявляло себя только в столицах. При Столыпине в России наступило на несколько лет успокоение, и это дало громадный толчок росту русской промышленности. 14 сентября 1911 года Богров стрелял в Столыпина в Киевском городском театре во время спектакля в высочайшем присутствии и смертельно ранил министра.

На допросе Богров сознался, что в течение долгих лет состоял одновременно секретным агентом охранного отделения и членом террористической организации в Париже. Его присутствие на спектакле в непосредственной близости с Царской

ложе объяснялось тем, что Богров в качестве агента должен был охранять особу царя...

Как-то утром, просматривая газеты, я увидел заголовки, сообщавшие об удачном полёте Блерио над Ла-Маншем. Я понял, что достижение Блерио дало нам не только новый способ передвигания, но и новое оружие в случае войны. Я решил немедленно приняться за это дело и попытаться применить аэропланы в русской военной авиации.

У меня ещё оставались два миллиона рублей, которые были в своё время собраны по всенародной подписке на постройку минных крейсеров после гибели нашего флота в русско-японскую войну.

Я запросил редакции крупнейших русских газет, не будут ли жертвователи иметь что-либо против того, чтобы остающиеся деньги были израсходованы не на постройку минных крейсеров, а на покупку аэропланов? Через неделю я начал получать тысячи ответов, содержавших единодушное одобрение моему плану. Государь также одобрил его.

Я поехал в Париж и заключил торговое соглашение с Блерио и Вуазеном. Они обязались дать нам аэропланы и инструкторов, я же должен был организовать аэродром, подыскать кадры учеников, оказывать им во всем содействие, а главное, конечно, снабжать их денежными средствами.

Первая группа офицеров выехала в Париж, а я отправился в Севастополь для того, чтобы выбрать место для будущего аэродрома. Я работал с прежним увлечением, преодолевая препятствия, которые мне ставили военные власти, не боясь насмешек и идя к намеченной цели. К концу осени 1908 г. мой первый аэродром и ангары были готовы. Весною 1909 г. мои офицеры окончили школу Блерио.

Осенью 1909 года я приобрёл значительный участок земли к западу от Севастополя и заложил первую русскую авиационную школу. Её офицеры участвовали в манёврах 1912 г. Сознание необходимости аэропланов для военных целей, наконец, проникло в среду закоренелых бюрократов Военного Министерства. Я заслужил великодушное одобрение Государя...

За стенами царских дворцов простиралась Россия — «ледяная пустыня, по которой бродил лихой человек», по выражению К.П. Победоносцева.

Но кто же были эти люди, которые с энергией, достойной лучшего применения, составляли заговоры против существующего строя? Какое странное самоослепление заставляло их верить в то, что разразившийся хаос революции в своём неистовстве разрушения ограничится территорией императорских дворцов?

Попробуем смыть блестящей слой политической фразеологии с лица русского революционного движения и мы получим истинный облик «оловянных богов», фанатиков, авантюристов, претендентов на министерские посты, столбовых дворян-революционеров и др. разрушителей империи.

Лев Толстой, этот величайший литературный гений современной России, почитался нашей революционной молодёжью апостолом. Его проповедь нового христианства была воспринята как призыв к медленному восстанию.

Император Николай II и Императрица Александра Фёдоровна. 1894

В день похорон писателя, которые состоялись ноябрьским днём 1910 г., были произнесены бесконечные речи, порицавшие существующий строй, а также на темы, не имевшие никакого отношения к событию. Если бы графиня С.А. Толстая не присутствовала на похоронах с заплаканным лицом, все участники этого революционного митинга забыли бы, что находятся на погребении человека, которого весь мир чтит исключительно как гениального романиста.

«Дорогой Лев Николаевич, память о вас будет вечно жить в сердцах благодарных крестьян Ясной Поляны» — гласила надпись на пятиметровом плакате, который несли на похоронах его почитатели. Семь лет спустя «благодарные крестьяне Ясной Поляны» осквернили могилу «дорогого Льва Николаевича» и сожгли его имяне. На этот раз яснополянские мужики внимали речам представителя местного совдепа, а последний объяснил, что, несмотря ни на что, Толстой был «аристократом и помещиком», т.е. «врагом народа».

Рядом с Толстым в рядах «святых» революции находились князь Пётр Кропоткин, Вера Засулич, Брешко-Брешковская (её называли «бабушкой русской революции») и многочисленные политические убийцы, отбывавшие сроки наказания в Шлиссельбургской крепости.

Убеждённый феминист мог бы радоваться преобладанию слабого пола в русском революционном движении, однако, биографы Шарлотты Корде нашли бы мало привлекательного в образах русских кровавых старух, которые были скорее объектами для наблюдений Крафта-Эбинга или Фрейда, чем подлинными героинями. Тем не менее революционный хороший тон требовал от каждого уважающего себя либерала, чтобы он вставал при упоминании имени Веры Фигнер.

Вожди революции, разбитые в 1905–1907 годах, укрылись под благословенной сенью парижских кафе и мансард, где и пребывали в течение следующих десяти лет, наблюдая развитие событий в далёкой России и философски повторяя поговорку: «Чтобы дальше прыгнуть, надо отступить».

Борис Савинков боролся со всеми режимами только во имя самой борьбы. Он подготовил убийство великого князя Сергея Александровича, он был в числе заговорщиков на жизнь императора Николая II, он занимался интригами против Временного правительства совместно с генералом Корниловым, он «продал» того же генерала Корнилова Временному правительству, он работал как тайный агент союзников против большевиков, он призывал к священному походу против Советов, он явился к большевикам с повинной и предал им их противников, он претендовал на роль диктатора крестьянской России и окончил свою беспокойную жизнь, выбросившись из окна Лубянской тюрьмы в Москве.

Савинков мог бы ещё добавить к своим показаниям, что список тайных агентов русского охранного отделения был переполнен именами выдающихся лидеров революционного подполья.

«Мы могли бы купить очень многих из революционеров, если бы сошлись с ними

в цене», — писал бывший директор департамента полиции Васильев в своих опубликованных посмертно мемуарах.

Это совершенно справедливо. Недаром после своего триумфа в марте 1917 года революционеры поторопились сжечь все архивы охранных отделений.

Царь сумел бы удовлетворить нужды русских рабочих и крестьян; полиция справилась бы с террористами! Но было совершенно напрасным трудом пытаться угодить многочисленным претендентам в министры, революционерам, записанным в шестую Книгу российского дворянства, и оппозиционным бюрократам, воспитанным в русских университетах.

Описания противоправительственной деятельности русской аристократии и интеллигенции могли бы составить целый том, который следовало посвятить русским эмигрантам, оплакивающим ныне на улицах европейских городов «доброе старое время». Но рекорд глупой тенденциозности побила, конечно, наша дореволюционная печать. Личные качества человека не ставились ни во что, если он устно или печатно не выражал своей враждебности существующему строю. Об учёном или писателе, артисте или музыканте, художнике или инженере судили не по их даровито-

сти, а по степени радикальных убеждений. Чтобы не ходить далеко за примерами, достаточно сослаться на печальный личный опыт философа В.В. Розанова, публициста М.О. Меньшикова и романиста Н.С. Лескова.

Все трое по различным причинам отказались следовать указке радикалов. Розанов — потому что выше всего ставил независимость творческой мысли; Лесков — потому что утверждал, что литература не имеет ничего общего с политикой; Меньшиков — потому что сомневался в возможности существования Российской империи без царя. Все трое подверглись беспощадному гонению со стороны наиболее влиятельных газет и издательств. Рукописи Лескова возвращались ему непрочитанными, над его именем смеялись самые ничтожные из газетных репортёров, а несколько его замечательных романов, изданных за его же собственный счёт, подвергались бойкоту со стороны предубеждённой части нашего общества.

Меньшиков всю жизнь прожил в полнейшей изоляции, подобно прокажённому, которого поносили все современные авторитеты и избегали сотрудники его же газеты «Новое время». Тирания самочинных цензоров российского общественного мнения

Великий князь Александр Михайлович на подводной лодке. Начало 1900-х

Военный летчик на Самолетъ.

изъ Севастополя въ Петероургъ.

За границей на воздушные флоты собираютъ

Милліоны рублей...

Неужели мы отстанемъ!

Помертвованія принимаютъ.

1) Мониторы и отдѣл. Госуд. Банка, 2) Казначейства, 3) Госуд. Сберегательныя Кассы, 4) Мониторъ Двора предсѣд. Комит. Велик. Князя АЛЕКСАНДРА МИХАИЛОВИЧА (СПб. Офицерская 35), 5) Волжско-Камскій Ком. Банкъ и его Отдѣленія, 6) Московскій Купеческ. Банкъ и его Отдѣленія, 7) Мониторъ Газеты „Новое Время“ (СПб. Невскій 40) и 8) Мониторъ Газеты „Русское Слово“ (Москва, Тверская 48).

Листовка о пожертвованиях на создание воздушного флота

была настолько сильна, что на сорокалетний юбилей писательской деятельности Меньшикова ни один писатель не решился послать ему поздравительной телеграммы из боязни, что этот поступок станет известным публике.

Что же касается Розанова, то даже его уникальная по своей оригинальности философия и его общепризнанный гений не спасли его от остракизма. Его не признавали ни газеты, ни журналы, ни клубы, ни литературные объединения. При жизни человек этот, который опередил в своих психологических откровениях на целое поколение Фрейда, был обречён на писание маленьких, незначительных статей в «Новом времени». Незадолго до войны Сытин, возмущённый тем, что такой талант, как Розанов, пропадает зря, принял писателя в свою газету «Русское слово», где он должен был писать под псевдонимом Варварина. Делегация сотрудников во главе с Дм. Мережковским явилась к храброму издателю и предъявила ультиматум: он должен был выбрать между ними и Розановым-Варвариним.

— Но, господа, господа, — просил издатель, — вы ведь не можете отрицать гения Розанова?

— Мы не интересуемся тем, гений он или нет, — ответила делегация. — Розанов — реакционер, и мы не можем работать с ним в одной газете!

Господина Мережковского можно сейчас найти в Париже, где он льёт слезы сожаления по золотому веку русских реакционеров и переполнен восхищением перед памятью о философе, которого лишил возможности зарабатывать себе на жизнь.

В очаровательной вещице, которая называлась «Революция и интеллигенция» и была написана сразу после прихода большевиков к власти, Розанов описывает положение российских либералов следующим образом:

«Насладившись в полной мере великолепным зрелищем революции, наша интеллигенция приготовилась надеть свои ме-

хом подбитые шубы и возвратиться обратно в свои уютные хоромы, но шубы оказались украденными, а хоромы были сожжены».

На первый взгляд, совершенно необъяснимы побуждения крупной буржуазии, по которым она поддерживала русскую революцию. Вначале правительство отказывалось верить сообщениям охранного отделения по этому поводу, но факты были налицо.

При обыске в особняке одного из богатей, Николая Парамонова, были найдены документы, которые устанавливали его участие в печатании и распространении революционной литературы в России. Парамонова судили и приговорили к двум годам тюремного заключения. Приговор этот, однако, был отменен ввиду значительного пожертвования, сделанного им на сооружение памятника в ознаменование трёхсотлетия дома Романовых. От большевиков к Романовым — и все это в течение одного года!

«Действия капиталистов объясняются желанием застраховаться себя и свои материальные интересы от всякого рода политических переворотов», — доносил в своём рапорте один из чинов департамента полиции, которого командировали в Москву расследовать дело богатого друга Ленина — Морозова. «Они так уверены в возможности двигать революционерами, как пешками, используя их детскую ненависть к правительству, что Морозов считает возможным финансировать издание ленинской «Искры», которая печаталась в Швейцарии и доставлялась в Россию в сундуках с двойным дном. Каждый номер «Искры» призывал рабочих к забастовкам на текстильных фабриках самого же Морозова». А Морозов говорил своим друзьям, что он «достаточно богат, чтобы позволить себе роскошь поддерживать своих врагов».

Самоубийство Морозова произошло незадолго до войны, и, таким образом, он так и не увидел, как его имущество, по приказу Ленина, было конфисковано, а его наследники брошены в тюрьмы бывшими учениками морозовской агитационной школы на Капри.

В феврале 1914 года дочь моя Ирина вступила в брак с князем Ф.Ф. Юсуповым. Надвигалась война, но на грозные симптомы её приближения никто не обращал внимания.

Военный министр генерал Сухомлинов пригласил к себе редактора большой вечерней газеты и продиктовал ему статью, полную откровенными угрозами по отношению к Германии, под заглавием «Мы готовы!».

В тот момент у нас не было в достаточном количестве не только ружей и пулемётов, но наших запасов обмундирования не хватало бы даже на малую часть тех миллионов солдат, которых пришлось бы мобилизовать в случае войны.

Вступительные слова Манифеста, изданного царём в день объявления войны, свидетельствовали о послушном сыне, распятом на кресте своей собственной лояльности.

Я уехал на фронт. Великий князь Николай Николаевич, уже принявший Верховное командование, назначил меня в штаб Четвертой армии в качестве помощника командующего барона Зальца.

Никто не ожидал такого страшного расхода снарядов, который обнаружился в первые же дни войны. Ещё не обстрелявшиеся части нервничали и тратили много снарядов зря. Там, где достаточно было бы выпустить две, три очереди шрапнелей, чтобы отогнать противника, тратились бесцельно сотни тысяч ружейных пуль. Терялись винтовки, бросались орудия. Артиллерийские парки выдвигались слишком далеко на линии фронта и попадали в руки противнику. А навстречу тянулись бесконечные обозы с первыми ранеными...

На шестой день моего пребывания в штабе Четвертой армии командующий отправил меня в Ставку доложить великому князю Николаю Николаевичу о том, что мы испытываем сильную нужду в подкреплениях, и объяснить ему серьёзность положения: австрийцы значительно превосходили нас в численности и, несмотря на сильные потери, продолжали свои атаки.

Николай Николаевич принял меня со своим обычным невозмутимым видом, выслушал мой доклад и пригласил к завтраку, во время которого предложил мне новый пост командующего авиацией Южного фронта.

В штабе Юго-Западной армии я встретил своего брата Николая Михайловича.

С горечью отзывался он о нашем командном составе. Он утверждал, что если великий князь Николай Николаевич не остановит своего квазипобедного похода по Галиции и не отведёт наших войск на линию укреплённых позиций в тылу, то мы, без сомнения, потерпим решительное поражение не позднее весны 1915 года.

Для того, чтобы парировать знаменитое наступление Макензена в Карпатах в мае 1915 года, у нас уже не было сил. Официальные данные говорили, что противник выпускает сто шрапнельных зарядов на наш один. В действительности эта разница была ещё более велика: наши офицеры оценивали это соотношение как 300:1. Наступил

момент, когда наша артиллерия смолкла и бородатые ополченцы предстали перед армией Макензена, вооружённые винтовками модели 1878 года с приказом «не трогать патронов понапрасну» и «забирать патроны у раненых и убитых».

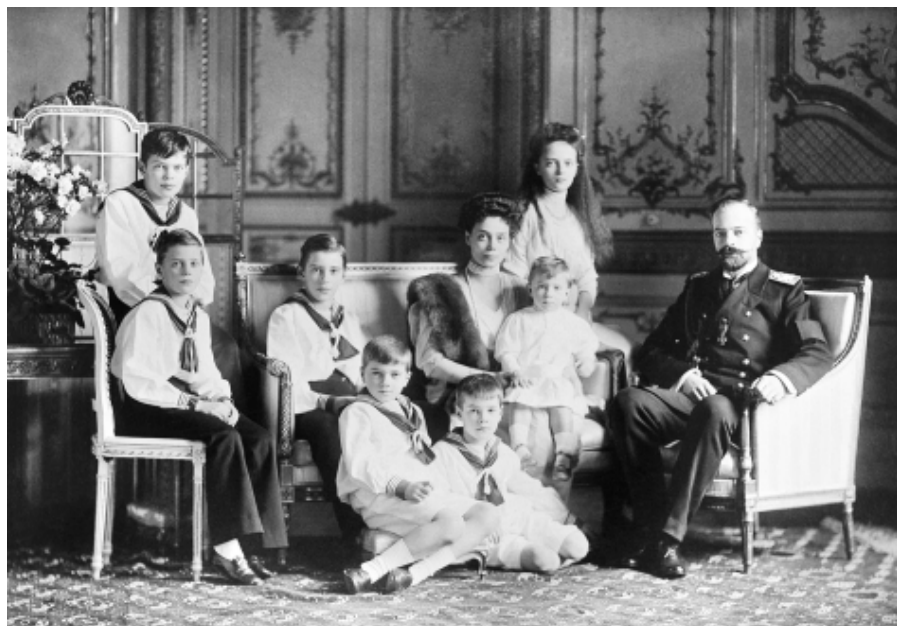
Я должен был шесть раз подряд менять место своего штаба, так как надежды удержаться на той или иной укрепленной линии рассеивались одна за другою, как дым. Единственной приятной для меня новостью за эти месяцы было известие об отставке великого князя Николая Николаевича. Принятие на себя государем должности Верховного Главнокомандующего вызвало во мне двоякую реакцию. Хотя и можно было сомневаться в полезности его длительного отсутствия в столице для нашей внутренней политики, принятие им на себя этого ответственного поста было совершенно правильным в отношении армии. Никто, кроме самого государя, не мог бы лучше вдохновить нашу армию на новые подвиги и очистить Ставку от облепивших её бездарных генералов и политиков.

Восторги русской интеллигенции в первые месяцы войны сменились обычной ненавистью к монархическому строю. Это произошло одновременно с нашим поражением 1915 года.

Общественные деятели регулярно посещали фронт якобы для его объезда и выяснения нужд армии. На самом же деле они ездили, чтобы завоевать симпатии командующих армиями. Члены Думы, обещавшие в начале войны поддерживать правительство, теперь трудились не покладая рук над разложением армии. Они уверяли, что настроены оппозиционно из-за «германских симпатий» молодой императрицы, и их речи в Думе, не пропущенные военной цензурой для опубликования в газетах, раздавались солдатам и офицерам в окопах в размноженном на ротаторе виде.

Наступил 1916 год. Я перенёс мой штаб в Киев и готовился оказывать содействие главнокомандующему Юго-Западным фронтом генералу Брусилову в его проектировавшемся наступлении против австрийцев.

Бодрый дух, царивший на нашем, теперь хорошо снабженном всем необходимым, фронте, представлял разительный контраст с настроениями тыла. Армия мечтала о победе над врагом и усматрива-

Великий князь Александр Михайлович в кругу семьи. 1910

ла осуществление своих стремлений в молниеносном наступлении генерала Брусилова. Политиканы же мечтали о революции и смотрели с неудовольствием на постоянные успехи наших войск.

Я ездил в Ставку. Был там даже пять раз. И с каждым разом Ники казался мне все более и более озабоченным и все меньше и меньше слушал моих советов, да и вообще чьих бы то ни было.

Я отправился к своему брату великому князю Сергею Михайловичу, генерал-инспектору артиллерии. Настроение Сергея выражало отсутствие всякой надежды. Живя в непосредственной близости от государя, Сергей видел, как приближается катастрофа.

— Не трать время, Сандро, пытайся открыть царю глаза. Возвращайся к своей работе и моли Бога, чтобы у нас не произошло революции ещё в течение года. Армия находится в прекрасном состоянии. Артиллерия, снабжение, технические войска — все готово для решительного наступления весной 1917 года. На этот раз мы разобьём немцев и австрийцев, если, конечно, тыл не свяжет свободу наших действий. Немцы могут быть спасены только в том случае, если спровоцируют у нас революцию в тылу.

Они это прекрасно знают и стремятся добиться своего во что бы то ни стало. Если государь будет поступать и впредь так, как он делал до сих пор, то мы не сможем долго противостоять революции.

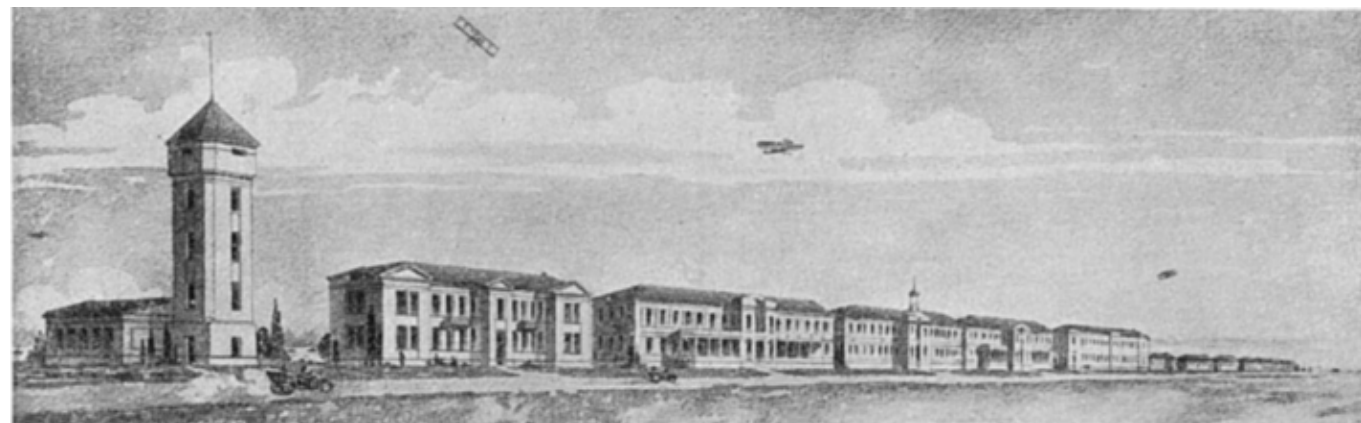
17 декабря рано утром мой адъютант вошёл в столовую с широкой улыбкой на лице:

— Ваше Императорское Высочество, — сказал он торжествуя, — Распутин убит прошлой ночью в доме вашего зятя, князя Феликса Юсупова.

Личность Распутина захватила воображение всего цивилизованного мира. Серьёзные историки и легковёрные романисты посвятили тома описаниям той роли, которую сыграл в гибели России этот неграмотный мужик.

«Правда о Распутине» — достаточно проста.

Царь был идеальным мужем и любящим отцом. Он хотел иметь сына. От его брака с принцессой Алисой Гессен-Дармштадтской у него родились в течение семи лет четыре дочери. Это угнетало его. Он почти что упрекал меня за то, что у меня в тот же промежуток времени родилось пятеро сыновей.

Общий вид жилых зданий офицерской школы авиации отдела Воздушного флота на р. Каче близ Севастополя

Великий князь Александр Михайлович среди приглашённых и обучающихся офицеров в день открытия и освящения офицерской школы авиации в Севастополе. 8 ноября 1910 г.

Офицеры-лётчики первого выпуска офицерской школы авиации представляют Николаю II. 26 октября 1911 г.

30 июля 1904 года императрица разрешилась от бремени долгожданным сыном.

Трёх лет от роду, играя в парке, цесаревич Алексей упал и получил ранение, вызвавшее кровотечение. Позвали придворного хирурга, который применил все известные медицине средства для того, чтобы остановить кровотечение, но они не дали результата. Царица упала в обморок. Ей не нужно было слышать мнения специалистов, чтобы знать, что означало это кровотечение: это была ужасная гемофилия — наследственная болезнь мужского поколения её рода в течение трёх столетий. Здоровая кровь Романовых не могла победить больной крови Гессен-Дармштадтских, и невинный ребёнок должен был страдать от той небрежности, которую проявил русский двор в выборе невесты Николая II.

За одну ночь государь состарился на десять лет. Он не мог перенести мысли, что его единственный сын, его любимый Алексей был обречён медициной на преждевременную смерть или же на прозябанье инвалида.

Громадный матрос получил приказание следить за безопасностью Алексея и носить его на руках во всех случаях, когда мальчику могло грозить переутомление.

Император старался найти забвение в неустанном труде, но императрица не захотела подчиниться судьбе. Она непрестанно говорила о невежестве врачей, отдавая явное предпочтение шарлатанам. Все свои помыслы она обратила в сторону религии, и её религиозность приобрела истерический характер. Таким образом, почва для появления чудотворца была подготовлена.

Остаётся под вопросом, случайно ли совпадало улучшение в состоянии наследника с посещением дворца Распутиным, или же этому старцу были действительно известны какие-то тёмные методы языческих знахарей его родной Сибири?

25 декабря 1916 года, через девять дней после того, как во дворце моего зятя князя Ф. Юсупова Распутин был убит, я послал царю длинное письмо, в котором предсказывал революцию и настаивал на немедленных переменах в составе правитель-

ства. Моё письмо заканчивалось следующими словами:

«Как это ни странно, но мы являемся свидетелями того, как само правительство поощряет революцию. Никто другой революции не хочет. Все сознают, что переживаемый момент слишком серьёзен для внутренних беспорядков. Мы ведём войну, которую необходимо выиграть во что бы то ни стало. Это сознают все, кроме твоих министров. Их преступные действия, их равнодушие к страданиям народа и их беспрестанная ложь вызовут народное возмущение. Я не знаю, послушаешься ли ты моего совета или нет, но я хочу, чтобы ты понял, что грядущая русская революция 1917 года явится прямым продуктом усилий твоего правительства. Впервые в современной истории революция будет произведена не снизу, а сверху, не народом против правительства, но правительством против народа».

Я не был единственным, кто определял положение подобным образом.

11 ноября 1916 года другой мой брат, великий князь Георгий Михайлович написал о впечатлениях, полученных им во время посещения Ставки генерала Брусилова.

«Милый Ники, если в течение двух недель не будет создано новое правительство, ответственное в своих действиях пред Государственной думой, мы все погибнем...»

15 ноября 1916 года ещё один из моих братьев, великий князь Михаил Михайлович, проживавший с 1891 года в Лондоне, присоединил свой голос к хору предостережений:

«Я только что возвратился из Бекингемского дворца. Жоржи (английский король Георг) очень огорчён политическим положением в России. Агенты Интеллидженс Сервис, обычно очень хорошо осведомлённые, предсказывают в ближайшем будущем в России революцию. Я искренно надеюсь, Ники, что ты найдёшь возможным удовлетворить справедливые требования народа, пока ещё не поздно».

В начале февраля 1917 года я получил приказ Ставки принять участие в работе в Петрограде комиссии при участии представителей союзных держав для выяснения нужд нашей армии в снабжении на следующие 12 месяцев.

Председатель Государственной думы Родзянко явился ко мне с целым ворохом новостей, теорий и антидинастических планов. Его самоуверенность не имела границ и в соединении с умственными недостатками делала его похожим на хвастливого обманщика из мольеровской комедии. Не прошло и месяца, как он наградил прапорщика л.-гв. Волынского полка Кирпичникова Георгиевским крестом за то, что он убит пред строем своего командира. А десять месяцев спустя Родзянко был вынужден бежать из столицы, спасаясь от большевиков...

Хлебные хвосты в Петрограде становились все длиннее и длиннее, хотя пшеница и рожь гнили вдоль всего великого Сибирского пути и в юго-западном крае.

Гарнизон столицы, состоявший из новобранцев и запасных, конечно, был слишком ненадёжной опорой в случае серьёзных беспорядков. Я спросил у военного начальства, собирается ли оно вызывать с фронта надёжные части? Мне ответили, что ожидается прибытие с фронта тринадцати гвардейских кавалерийских полков. Позднее я узнал, что изменники, сидевшие в Ставке, под влиянием лидеров Государственной думы осмелились этот приказ государя отменить.

Я ушёл с головою в работу и более уже не обращал ни на что внимания. Если о нашей боеспособности можно было судить по развитию воздушных сил, то дела наши на фронте обстояли блестяще. Сотни самолётов, управляемые искусными офицерами-лётчиками и вооружённые пулемётами новейшего образца, ожидали только приказа, чтобы вылететь в бой. Летая над фронтом, они видели за фронтом противника признаки отступления и искренно желали, чтобы Верховный Главнокомандующий одержал наконец победу в собственной столице. Два с половиной года тому назад я начал свою работу в салон-вагоне, в котором помещались и моя канцелярия, и наши боевые силы. Теперь целый ряд авиационных школ работал полным ходом и три новых авиационных завода ежедневно строили самолёты в дополнение к тем, которые мы непрерывно получали из Англии и Франции...

Развязка наступила самым неожиданным образом. Утренние газеты принесли известие о том, что забастовочное движение на заводах в Петрограде, работавших на оборону, разрасталось. Это было ввиду нашего предстоящего наступления очень прискорбно, хотя случилось и раньше. Телеграммы, полученные ночью, говорили о том, что главной причиной забастовок было отсутствие в столичных пекарнях хлеба. Это было неправдой. Из-за беспорядков на наших железных дорогах Петроград действительно испытывал некоторый недостаток в снабжении хлебом, но это никогда не могло иметь своим последствием голод населения. Через час пришло известие о первых столкновениях между толпой и нерешительными солдатами-резервистами. Вот и объяснение: недостаток хлеба в столице должен был явиться сигналом для революционного выступления Государственной думы.

Мой адъютант разбудил меня на рассвете. Он подал мне опечатанный лист. Это был Манифест государя об отречении. Ники отказался расстаться с сыном и отрёкся в пользу Михаила. Я сидел в постели и перечитывал этот документ. Вероятно, Ники потерял рассудок. С каких пор самодержец может отречься от данной ему Богом власти из-за того, что в столице недостаток хлеба и частичные беспорядки? Измена Петроградского гарнизона? Но ведь в его распоряжении находилась пятнадцатимиллионная армия. Все это, включая и его поездку в Петроград, казалось тогда, в 1917 году, совершенно невероятным. И продолжает мне казаться невероятным сейчас, в 1931 году.

Я оделся и пошёл к Марии Фёдоровне разбить её сердце вестью об отречении сына. Потом мы заказали поезд в Ставку, так как получили известие, что Ники было дано «разрешение» (!) вернуться в Ставку, чтобы проститься со своим штабом.

По приезде в Могилев наш поезд поставили на «императорскую платформу». Через минуту к станции подъехал автомобиль. Ники медленно прошёл по платформе, поздоровался с двумя казаками конвоя, стоявшими у входа в вагон матери, и вошёл. Государь оставался наедине с матерью в течение двух часов. Вдовствующая императрица никогда мне потом не рассказывала, о чем они говорили. Когда меня вызвали к ним, Мария Фёдоровна сидела и плакала навзрыд, он же неподвижно стоял, глядя себе под ноги, и, конечно, курил. Мы обнялись. Я не знал, что ему сказать. После неловкой паузы он стал объяснять причины своего решения. Главные из них были: 1) желание избегать в России гражданской войны; 2) желание удержать армию в сто-

роне от политики, чтобы она могла помогать союзникам, и 3) вера в то, что Временное правительство будет править Россией более успешно, чем он.

Ни один из этих трёх доводов не казался мне убедительным. Даже тогда, во второй день новой «свободной России», у меня не было никаких сомнений в том, что гражданская война в России неизбежна и что развал нашей армии является вопросом ближайшего будущего. Между тем сути борьбы в предместьях столицы — и порядок был бы восстановлен.

Он показал мне пачку телеграмм, полученных от главнокомандующих разными фронтами в ответ на его запрос. За исключением генерала Гурко, все они, и в частности генералы Брусилов, Алексеев и Рузский, советовали государю немедленно отречься от престола.

Днём я увидел, что мой брат Сергей читает первый приказ Временного правительства. Солдатам всех родов войск предлагалось новыми правителями сформировать

Феликс Юсупов со своей невестой Ириной Александровной. 1913

северное заточение? Она была уверена, что Ники нуждается в поддержке матери.

По всей вероятности, некоторым из наших добрых друзей, тронутых нашим положением, удалось повлиять на Временное правительство, и в один прекрасный день к нам явился комиссар и передал приказ отправиться немедленно в Крым. Местный Совет всецело одобрил этот план, так как считал, что «пребывание врагов народа так близко от Германского фронта представляет собою большую опасность для революционной России».

Нам пришлось почти что нести императрицу на вокзал. Она боролась до последней минуты, желая остаться и заявляя, что предпочитает, чтобы её арестовали и бросили в тюрьму.

По приезде в Ай-Тодор мы получили длинный список того, что мы не должны были делать, от некоего господина, носившего громкий титул «Особый комиссар Временного правительства».

К ранней осени процесс революционного разложения достиг своего апогея. Дивизии, бригады и полки перестали существовать, и толпы грабителей, убийц и дезертиров наводнили тыл.

Мы ежедневно ожидали падения Временного правительства и в мыслях были с нашими далёкими родными. За исключением царя и его семьи, которых перевезли в Тобольск, все остальные находились в С.-Петербурге. Если бы мои братья Николай, Сергей и Георгий своевременно приехали к нам в Ай-Тодор, они были бы живы до сегодняшнего дня. Я не имел с октября 1917 года никаких известий с севера и о их трагической гибели узнал только в Париже в 1919 году...

В полдень у ворот нашего имения остановился запылённый автомобиль, из которого вылез вооружённый до зубов гигант в форме матроса.

— Я получил приказ советского правительства, — заявил он, — взять в свои руки управление всем этим районом. Я знаю вас, — продолжал он. — Вы бывший великий князь Александр Михайлович. Неужели вы не помните меня? Я служил в 1916 году в вашей авиационной школе.

Под моим начальством служило две тысячи авиаторов, и, конечно, я не мог вспомнить его лицо. Но это облегчало установление отношений с нашим новым тюремщиком.

Он объяснил, что «по стратегическим соображениям» мы должны будем переехать в соседнее имение «Дюльбер», принадлежащее моему двоюродному брату, великому князю Петру Николаевичу.

— Дело обстоит гораздо хуже, чем вы думаете. Ялтинские товарищи настаивают на вашем немедленном расстреле, но Севастопольский совет велел мне защищать вас до получения особого приказа от товарища Ленина. Я не сомневаюсь, что Ялтинский совет попытается захватить вас силой, и поэтому приходится ожидать нападения из Ялты. Дюльбер, с его высокими стенами, легче защищать.

События последующих пяти месяцев подтвердили справедливость опасений

Император Николай II. Могилёв. 1917

свои собственные административные комитеты — Советы — и избрать на командные должности угодных им офицеров. Этот же знаменитый «Приказ № 1» объявлял об уничтожении военной дисциплины, об отмене отдания чести и пр.

— Это же конец русской армии! — сказал Сергей. — Сам Гинденбург не мог бы внести никаких дополнений в этот приказ. Гарнизон Выборга уже перерезал своих офицеров. Остальные не замедлят последовать этому примеру...

Мы завтракаем вместе. Ники старается подбодрить мать. Он надеется «скоро» увидеться с нею. Что-то говорит о своём отъезде в Англию, хотя и предпочитает остаться в России. Его поезд стоит на путях напротив нашего. Мы встаём из-за стола. Он осыпает поцелуями лицо матери. Потом поворачивается ко мне, и мы обнимаемся. Он выходит, пересекает платформу и входит в свой салон-вагон.

Поезд Ники свистит и медленно трогается. Он стоит в широком зеркальном окне своего вагона. Он улыбается и машет рукой. Его лицо бесконечно грустно. Он одет в простую блузу защитного цвета с орденом Св. Георгия на груди. Вдовствующая императрица, когда поезд царя скрылся из вида, уже не сдерживает больше рыданий.

Вернувшись в купе и снимая шинель, я заметил отсутствие императорских вензелей, которые в течение тридцати лет носил на погонах, и вспоминаю, что Временное правительство издало по этому поводу какой-то приказ.

Вернувшись из Ставки, я должен был подумать о своей семье, состоявшей в то время из императрицы Марии Фёдоровны, моей жены великой княгини Ксении Алексан-

дровны, шестерых сыновей, невестки, великой княгини Ольги Александровны, и её мужа Куликовского. Моя дочь Ирина и её муж князь Юсупов, высланный в своё имение близ Курска за участие в убийстве Распутина, присоединились к нам в Крыму немного позднее.

Первые две недели все шло благополучно. Мы ходили по улицам, смешавшись с толпой, и наблюдали грандиозные демонстрации, которые устраивались по случаю полученной свободы!

К концу марта германские агенты всецело овладели положением как в столице, так и в провинции. Агитация против существующих учреждений подкреплялась призывами бороться с врагами революции.

— Всю династию надо утопить в грязи, — восклицал один известный журналист на страницах распространённой киевской газеты, и началось забрасывание нас грязью.

Мы все вдруг превратились в «Романовых, врагов революции и русского народа».

Мои бывшие подчинённые навещали меня каждое утро и просили уехать в наше крымское имение. Появились слухи, что император Николай II и вся царская семья будут высланы в Сибирь, хотя в марте ему и были даны гарантии, что он может выбирать между Англией и Крымом.

Я просил великую княгиню Ольгу Александровну постараться убедить вдовствующую императрицу переехать в Крым. Вначале я встретил решительный отказ: она не хотела уезжать от Ники ещё дальше. Если это новое варварское правительство не позволит Ники приехать в Киев, заявила она после того, как нам удалось ей разъяснить настоящее положение государя, то почему она не может разделить с ним его

новых тюремщиков. Каждую вторую неделю Ялтинский совет посылал своих представителей в Дюльбер, чтобы вести переговоры с нашими неожиданными защитниками.

Тяжёлые подводы, нагруженные солдатами и пулемётами, останавливались у стен Дюльбера. Прибывшие требовали, чтобы к ним вышел комиссар Севастопольского совета товарищ Задорожный.

— Ялтинский совет предъявляет свои права на Романовых, которых Севастопольский совет держит за собою незаконно. Мы даём пять минут на размышление.

— К черту Ялтинский совет! Вы мне надоели. Убирайтесь, а не то дам отведать севастопольского свинцу!

— Товарищ Задорожный, вы об этом пожалеете!

— Убирайтесь к черту!

По его мнению, большевистское правительство осуществляло свою власть над Крымом через посредство Севастопольского совета, а Ялтинский совет состоял из налётчиков, объявивших себя коммунистами.

Каждый вечер, перед тем как идти спать, я полушутя задавал Задорожному один и тот же вопрос: «Ну что, пристрелите вы нас сегодня ночью?». Его обычное обещание не принимать никаких «решительных мер» до получения телеграммы с севера меня до известной степени успокаивало.

В шесть часов утра зазвонил телефон. Я услышал громкий голос Задорожного, который взволнованно говорил: «Да, да... Я сделаю, как вы прикажете...».

Он вышел на веранду. Впервые за эти пять месяцев я увидел, что он растерялся.

— Ваше Императорское Высочество! — сказал он, опустив глаза. — Немецкий генерал прибудет сюда через час.

— Немецкий генерал? Вы с ума сошли, Задорожный. Что с вами случилось?

— Пока ещё ничего, — медленно ответил он. — Но боюсь, что случится, если вы не примете меня под свою защиту.

— Как могу я вас защищать? Я вами арестован.

— Вы свободны. Два часа тому назад немцы заняли Ялту. Они только что звонили сюда и грозили меня повесить, если с вами что-нибудь случится. Мне удалось сохранить в тайне от вас передвижение немецких войск. Немцы захватили Киев ещё в прошлом месяце и с тех пор делали ежедневно на восток от 20 до 30 вёрст. Но, ради Бога, Ваше Императорское Высочество, не забывайте, что я не причинил вам никаких ненужных страданий! Я только исполнял приказы!

— Не волнуйтесь, Задорожный, — сказал я, похлопывая его по плечу. — Вы очень хорошо относились ко мне. Я против вас ничего не имею.

Ровно в семь часов в Дюльбер прибыл немецкий генерал. Никогда не забуду его изумления, когда я попросил его оставить весь отряд «революционных» матросов во главе с Задорожным для охраны Дюльбера и Ай-Тодора. Он, вероятно, решил, что я сошёл с ума. «Но ведь это же совершенно невозможно!» — воскликнул он по-немецки, по-видимому возмущённый этой нелогичностью.

Неужели я не сознавал, что император Вильгельм II и мой племянник кронпринц никогда не простят ему, если он разрешит оставить на свободе и около родственников Его Величества этих «ужасных убийц»?

Я должен был дать ему слово, что специально напишу об этом его начальству и беру всецело на свою ответственность эту «безумную идею». И даже после этого генерал продолжал бормотать что-то об «этих фантастических русских»!..

Согласно условиям перемирия, немцы должны были освободить Крымский полуостров, а также все остальные части Российской империи, занятые ими весной 1918 года.

В Севастополь прибыл британский военный флот, и его командующий адмирал Кэльторп сообщил нам о предложении английского короля дать в наше распоряжение пароход для отъезда в Англию. Вдовствующая императрица поблагодарила своего царственного племянника за внимание, но отказалась покинуть Крым, если ей не разрешат взять с собою всех её друзей, которым угрожала месть большевиков. Король Георг изъявил на это своё согласие, и мы все стали готовиться к путешествию.

Комиссар
Филипп Львович Задорожный

Николай II после отречения. 1917

Великий князь Александр Михайлович в Париже

Желая увидеть глав союзных правительств, собравшихся тогда в Париже, чтобы представить им доклад о положении в России, я обратился к адмиралу Кэльторпу с письмом, в котором просил его оказать содействие моему отбытию из Крыма до отъезда нашей семьи, которая должна была тронуться в путь в марте 1919 года. Адмирал послал за мною миноносец, чтобы доставить меня из Ялты в Севастополь, и мы условились с ним, что я покину Россию той же ночью на корабле его величества «Форсайт»...

В Париже пахло зимой, жареными каштанами и тлеющими в жаровнях угольями. Я отправился в Версаль с докладом о положении в России, который я приготвил во время путешествия на «Форсайте». Я хотел переговорить с Клемансо до открытия мирной конференции.

— Не тревожьтесь, Ваше Императорское Высочество, — заявил мне один французский генерал. — Мы собираемся скоро высадить одну или две дивизии в Одессе с приказом идти прямо на Москву. Вы скоро опять вернётесь в ваш петербургский дворец.

— Господин председатель мирной конференции очень хотел бы поговорить с вами, — сказал мне личный секретарь Клемансо. — Но у него в данный момент столько работы, что он просил меня принять вас.

— Каковы планы господина Клемансо относительно бывшего союзника Франции?

— Обстоятельства изменились. Если бы в России не произошло этих ужасных событий, мы в точности выполнили бы все наши обязательства... Большевизм — это болезнь побеждённых наций. Господин Клемансо подверг русскую проблему всестороннему изучению. Самой разумной мерой было бы объявление блокады советскому правительству.

— Разве ваш шеф примет на себя ответственность за те страдания, которым подобный метод подвергает миллионы рус-

ских людей? Разве он не понимает, что миллионы русских детей будут от такой системы голодать?

— Но тем самым, Ваше Императорское Высочество, русский народ получит повод, чтобы восстать.

— Вы, молодой человек, ошибаетесь. Я уверен, что ваша блокада явится только орудием для пропаганды большевизма и объединит население России вокруг московского режима. Пошлите в Россию армию, которая объявит, что она несёт мир, порядок и возможность устройства свободных выборов.

— Наше правительство не может riskовать жизнью французских солдат после подписания перемирия...

Весною 1919 года в России последовал целый ряд авантур наших бывших союзников, которые способствовали тому, что большевики были возведены на пьедестал борцов за независимость России.

Известно, что в то время в России вели борьбу с большевиками три белые армии, которые могли бы победить, если бы белым серьёзно помогли англичане и французы.

Бывшему главнокомандующему Русской армией генералу Деникину удалось захватить Северный Кавказ, где он рассчитывал на помощь донских, кубанских и терских казаков.

Бывший главнокомандующий Черноморским флотом адмирал Колчак наступал на Европейскую Россию из Сибири, опираясь на ту помощь, которую могли бы ему дать японцы.

Бывший командующий нашей Кавказской армией генерал Юденич имел задачей захватить С.-Петербург. Его разъезды к концу лета 1919 года находились в десяти верстах от столицы.

Можно смело утверждать, что появление тысячи тяжёлых орудий и двух сотен танков на одном из трёх фронтов спасло бы весь мир от постоянной угрозы. Многочисленные военные эксперты, инспектиро-

вавшие армии Деникина, Юденича и Колчака, были единодушны в своих заключениях о их боеспособности. «Все зависит от того, будут ли они иметь необходимое снабжение», — заявили они Клемансо и Ллойд Джорджу по возвращении в Париж.

Но затем произошло что-то странное. Вместо того, чтобы следовать советам своих экспертов, главы союзных государств повели политику, которая заставила русских офицеров и солдат симпатизировать Троцкому.

Англичане появились в Баку и создали независимое государство Азербайджан с целью овладения русской нефтью. Батуми стал «свободным городом» под английским протекторатом с гражданским губернатором, который наблюдал за доставкой нефти в Англию.

Миролюбивые итальянцы появились почему-то в Тифлисе и помогли образовать самостоятельную Грузию в южной части Кавказа, которая была известна своими марганцевыми месторождениями.

Французы заняли Одессу, главный пункт южнорусского экспорта, и стали благосклонно прислушиваться к предложениям лидеров «самостийной Украины», которые ещё месяц назад исполняли роли тайных и явных агентов германского командования.

Примерно в то же время небольшой контингент американцев и японцев высадился во Владивостоке, а британские корабли бросили якорь в Ревеле на Балтийском море, объявив о создании независимых государств Латвии и Эстонии, в тылу армии генерала Юденича.

Когда необходимое вооружение — пушки, танки и самолёты — было готово к отправке, оно было отправлено в Польшу, и армия Пилсудского вторглась в Россию и захватила Киев и Смоленск. Вершители европейских судеб, по-видимому, восхищались собственно изобретательностью: они надеялись одним ударом уничтожить и большевиков, и возможность возрождения сильной России.

Положение вождей белого движения стало невозможным.

Ничто лучше не доказывает эгоизма союзников, чем так называемые условия, на которых Франция готова была оказать поддержку белым армиям.

27 января 1919 года в Ростов-на-Дону прибыл капитан Фуке, привезя с собою длинный документ, который должен был подписать генерал Краснов.

«Донские казаки, должны предоставить все своё личное имущество в виде гарантии требований французских граждан, понёсших материальные потери вследствие революции в России. Донские казаки должны возместить убытки тем из французских граждан, которые пострадали физически от большевиков, а также вознаградить семьи убитых в гражданской войне. Донские казаки обязуются удовлетворить требования тех французских предприятий, которые вынуждены были ликвидировать свои дела из-за беспорядков в России. Последнее относится не только к предприятиям, которые

закрылись из-за революции, но и к тем, что были вынуждены правительством принять предписанные им низкие цены во время войны 1914—1917 годов. Французские владельцы предприятий и французские акционеры этих предприятий должны получить в виде вознаграждения всю сумму прибылей и дивидендов, которые они не получили с 1 августа 1914 года. Размер означенных прибылей и дивидендов должен соответствовать средним прибылям довоенного времени. К означенным суммам следует прибавить пять процентов годовых за срок, протекший между 1 августа 1914 года и временем уплаты. Для рассмотрения требований французских граждан должна быть образована особая комиссия из представителей французских владельцев и акционеров под председательством французского генерального консула».

— Это всё, что вы требуете? — спросил атаман Краснов, едва сдерживая своё негодование.

— Всё, — скромно подтвердил Фуке. — Если вы не подпишете этого документа в том виде, как он есть, ни один французский солдат не будет отправлен в Россию и ни одна винтовка не будет дана вашей армии. Попрошайки не привередничают, так что решайте сразу.

— Довольно! — крикнул атаман Краснов. — Я сочту долгом сообщить моим казакам о тех условиях, на которых нам собирается помочь их великий и благородный союзник. Всего хорошего, капитан Фуке. Пока я остаюсь атаманом, вы не получите ни сантима...

Трагедия Колчака составляет одну из самых жутких страниц русской революции. Бывший адмирал Черноморского флота, всем известный герой мировой войны, Колчак принял в 1918 году предложение союзников организовать регулярную армию из бывших австрийских военнопленных чехословацкого происхождения.

Адмирал Колчак был признан Англией, Францией и Японией в качестве верховного правителя России, но обещанное снаряжение так и не прибыло в Сибирь. Голодная и полуодетая сибирская армия продолжала отступать перед красными по бесконечной сибирской тайге в направлении Иркутска.

14 января 1920 г. два длинных поезда подошли к Иркутску. В одном из них ехал адмирал под охраной чехословаков. В другом находились 650 миллионов золотых рублей, которые составляли часть русского золотого запаса.

Командир батальона чехословаков вошёл в вагон адмирала.

— Генерал Жанен приказал мне арестовать вас и передать местным властям в Иркутске.

— Что же, — сказал адмирал спокойно, — по-моему, это чудовищная измена наших союзников. Ещё только вчера генерал Жанен гарантировал мне беспрепятственный проезд на восток. Кому же достанутся эти 650 миллионов рублей?

Чехословак покраснел.

— Мы передадим эти деньги советскому правительству. Таков приказ генерала Жанена.

Колчак усмехнулся. Он пожал руки офицерам своего штаба и вышел к чехословацким солдатам.

Адмирал Колчак был заключён в тюрьму в Иркутске.

7 февраля 1920 года солдаты отряда, который должен был приводить смертный приговор над Колчаком в исполнение, дрожали при виде стройной, прямой фигуры правителя, с наполеоновским профилем, который резко выделялся на белой стене тюремного двора. Колчак вынул из кармана массивный золотой портсигар, украшенный бриллиантами. Высочайший подарок, пожалованный адмиралу за его успешные боевые действия в 1916 году, и сосчитал папиросы.

— Достаточно на каждого из нас, — спокойно заметил он. — Чего же вы дрожите? Будьте спокойнее. Кто возьмёт мой портсигар? На том свете у меня не будет карманов...

Париж праздновал Победу.

Куда бы я ни пошёл в тот день, всюду видел русских. Они стояли кучками на Ели-

сейских Полях, на Больших Бульварах и на тенистых улицах Пасси.

Само собой, было возмутительно, что Франция игнорировала жертвы своего бывшего союзника и что на всем параде Победы ничто не напоминало миру о трёх миллионах русских, которым пришлось погибнуть, чтобы Фош мог прогарцевать под Триумфальной аркой.

Но лично меня больше волновала судьба оставшихся в живых.

Адвокаты и врачи, художники и писатели, банкиры и купцы, офицеры и казаки, политики и предприниматели, крестьяне и домовладельцы — все сословия русского населения были представлены в квартале Пасси. Им пришлось покинуть Россию отчасти из страха быть расстрелянными, отчасти потому, что они понимали, что в государстве, управляемом Советами, им места не будет.

Знай они, что им уже никогда не вернуться, то, возможно, предпочли бы пули и продовольственные карточки. Пока же они

Великий князь Александр Михайлович в Лос-Анджелесе

ожидали, что в скором времени поменяются с Лениным местами, и у них развилось то, что на языке эмигрантов 1918–1923 гг. называлось «психологией нераспакованных чемоданов». Они жили одним днём, занимали друг у друга деньги и обещали своим домовладельцам и бакалейщикам, что с их счетами все будет улажено, как только «Россия вновь станет Россией».

Розовые и красноватые, зеленые и белесые, они все ждали, когда падут большевики, чтобы вернуться в Россию и продолжить свою грязную, прерванную Октябрьской революцией.

Как-то раз, потягивая аперитив на террасе «Кафе де ла Тур» на площади Альбани, я заметил двух мужчин, которые обменялись взглядами, исполненными нескрываемой ненависти.

Оба, должно быть, меня знали, поскольку время от времени поворачивались в мою сторону. Наверняка русские, подумал я, и явно мои враги, но кто? Вгляделся на мгновение в старшего из них и тут вспомнил.

Савинков, убийца моего кузена великого князя Сергея, позже военный министр Временного правительства, ещё позже — наёмный агент союзников в Сибири и человек, за голову которого Советы выплатили бы впечатляющее вознаграждение!

Второй — великий оратор русской революции! Я подозревал официанта.

— Я не ошибся? — спросил я его. — Вон тот господин, это Керенский?

— Прошу прощения, мсье, — был смущённый ответ, — но у нас общественное заведение. К сожалению, мы обязаны впускать каждого, у кого наберётся денег на чашку кофе.

Он не мог понять моего истерического смеха. Мало кто из французов смог бы осознать пикантность той сцены. Нужно быть русским и прожить двадцать лет покушений и восстаний, чтобы оценить эту тонкую иронию судьбы.

Савинков, Керенский и великий князь — все трое на террасе одного и того же третьего сорта кафе в Париже, все трое в совершенно одинаковом положении, задыхающиеся от бессильной злобы, не знающие, позволят ли им остаться во Франции и наберётся ли у них завтра денег на чашку кофе...

Порой мне кажется, что царю выпала удача закончить свои дни так, как он их закончил. Что бы он чувствовал, доведись ему жить в Париже или Нью-Йорке и слышать о «славе и блеске империи», расписываемых для ротозеев людьми, что покинули его, когда он более всего в них нуждался?

Мне пришло в голову, что, хотя я и не большевик, однако не мог согласиться со своими родственниками и знакомыми и безоглядно клеймить все, что делается Советами только потому, что это делается Советами. Никто не спорит, они убили трёх моих родных братьев, но они также спасли Россию от участи вассала союзников.

Когда ранней весной 1920-го я увидел заголовки французских газет, возвещавшие о триумфальном шествии Пилсудского по пшеничным полям Малороссии, что-то внутри меня не выдержало, и я забыл про то, что и года не прошло со дня расстрела

моих братьев. Я только и думал: «Поляки вот-вот возьмут Киев! Извечные враги России вот-вот отрежут империю от её западных рубежей!». Я не осмелился выражаться открыто, но, слушая вздорную болтовню беженцев и глядя в их лица, я всей душой желал Красной армии победы.

Не важно, что я был великий князь. Я был русский офицер, давший клятву защищать Отечество от его врагов. Я был внуком человека, который грозил распахать улицы Варшавы, если поляки ещё раз посмеют нарушить единство его империи. Неожиданно на ум пришла фраза того же самого моего предка семидесятидвухлетней давности. Прямо на донесении о «возмутительных действиях» бывшего русского офицера артиллерии Бакунина, который в Саксонии повёл толпы немецких революционеров на штурм крепости, император Николай I написал аршинными буквами: «Ура нашим артиллеристам!».

Сходство моей и его реакции поразило меня. То же самое я чувствовал, когда красный командир Будённый разбил легионы Пилсудского и гнал его до самой Варшавы. На сей раз комплименты адресовались русским кавалеристам, но в остальном мало что изменилось со времён моего деда.

Фактом остаётся то, что Советы вынуждены проводить чисто национальную политику, которая есть не что иное, как многовековая политика, начатая Иваном Грозным, оформленная Петром Великим и достигшая вершины при Николае I: защищать рубежи государства любой ценой и шаг за шагом пробиваться к естественным границам на западе!

Я уверен, что ещё мои сыновья увидят тот день, когда придёт конец не только нелепой независимости прибалтийских республик, но и Бессарабия с Польшей будет Россией отвоёваны, а картографам придётся немало потрудиться над перечерчиванием границ на Дальнем Востоке.

Раз в год, вернувшись домой после утренней прогулки в Булонском лесу, я находил в своей квартире поджидающих меня энергично жующих молодых людей. Обычно это случалось в начале лета, когда скудость европейских новостей заставляла американских репортёров в Париже вновь открывать для себя существование великого князя Александра.

Так случилось и одним весенним утром 1927 года.

— Нам нужно ваше заявление. Нам сообщили, что вы разговаривали с духом покойного царя. Выкладывайте.

Я воспротивился.

Надув губы, они ушли. Через какое-то время мне пришла из Америки газетная вырезка, извещавшая:

Я ГОВОРИЛ С ДУХОМ ЦАРЯ, утверждает бывший великий князь.

После этого я прочёл шестьдесят семь лекций и провёл в Америке три зимы.

Я никогда не оспаривал условий договора, место или время, настаивая на одном-единственном пункте: русский национальный гимн не должен исполняться ни до, ни после, ни во время моих лекций. Перезить самоубийство империи нетрудно. Услышать её голос одиннадцать лет спустя — смерти подобно.

Жаркие дебаты ожидали меня в Клубе Армии и Флота. Его руководство считало само собой разумеющимся, что я буду проклинать Советскую Россию и предскажу неминуемый крах пятилетнему плану.

В беседе с членами клуба я дал понять, что я прежде всего русский и лишь потом великий князь. Я, как мог, описал им неограниченные ресурсы России и сказал, что не сомневаюсь в успешном выполнении пятилетки.

— На это может уйти, ещё год-другой, но если говорить о будущем, то этот план не просто будет выполнен — за ним должен последовать новый план, возможно, десятилетний или даже пятнадцатилетний. Россия больше никогда не опустится до положения мирового отстойника. Ни один царь никогда не смог бы претворить в жизнь столь грандиозную программу, потому что его действия сковывали слишком многие принципы, дипломатические и прочие. Нынешние правители России — реалисты. Они беспринципны — в том смысле, в каком был беспринципен Пётр Великий. Они также беспринципны, как ваши железнодорожные короли полвека назад или ваши банкиры сегодня, с той единственной разницей, что в их случае мы имеем дело с большей человеческой честностью и бескорыстием.

— Знаете, что вы сегодня натворили? — спросил президент клуба, когда я собрался уходить. — Вы сделали из меня почти что большевика.

Я верю, что после тяжёлых испытаний в России зародится Царство Духа, Царство освобождения души человека. Не может быть Голгофы без Воскресения. А более тяжкой Голгофы, чем Голгофа Великомученицы России, мир не видел.

Будем верить в Царство Духа. Вот что я хотел сказать моим русским читателям.

Великий Князь Александр Михайлович.
Париж.
Июнь 1932 г.